

УДК 811.511.111(480)

Е. А. Картушина

**ТРИ ЭТАПА ФОРМИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
В ФИНЛЯНДИИ**

В статье рассматривается история становления языковой ситуации в Финляндии, начиная с сер. XIX в., когда финский язык стал языком государственным. Учитывается роль других языков в развертывании современного языкового ландшафта Финляндии и его изменения под влиянием глобализации.

Ключевые слова: языковая ситуация, язык и глобализация, финский язык, языковой ландшафт.

С точки зрения лингвиста внимания заслуживают не только те собственно языковые изменения, вызванные новыми формами функционирования языка в глобализационный период (коммуникация в сети Интернет, институциональная коммуникация и ряд др.), но и те аспекты, которые касаются социальной жизни языка, – изменение его статуса, динамика языковой лояльности среди пользователей этим языком, вытеснение национального языка другими (миноритарными языками мигрантов), изменение языкового ландшафта и степени представленности языков в отдельно взятой стране. Хотя значимость решения данных (социо-)лингвистических задач не вызывает сомнений, они часто остаются в стороне от увлеченности собственно-лингвистическими задачами.

Более комплексную и более объективную картину социолингвистического анализа может дать рассмотрение языковой ситуации (далее – ЯС) в динамике: понять причины текущего состояния ЯС и попытаться прогнозировать изменения ЯС. Сами методы прогнозирования (foresight studies) находятся на этапе становления в лингвистике. Поэтому отслеживание ЯС в динамике может позволить определить некий вектор развития, отследить степень влияния и распространения определенного идиома (компонента ЯС) и увидеть более широкий контекст ЯС, хотя это, безусловно, тема специального исследования с привлечением теоретических и эмпирических данных.

Мы начнем рассмотрение ЯС в Финляндии с начала XIX в., когда финский язык сменил доминирующий до этого времени шведский и стал основным

государственным и национальным языком Финляндии. Другой, качественно новый период в ЯС в Финляндии, пришелся на начало XX в.

Изменения, происшедшие в начале XXI в. (отнюдь не последней причиной которых стала глобализация), позволяют нам говорить о третьем этапе в ЯС, продолжающемся в Финляндии по сегодняшний день.

Рассмотрим каждый из трех периодов более подробно.

Языковая ситуация в Финляндии: XIX век

На первый период в ЯС Финляндии приходится большое количество изменений. Они касаются как статуса финского языка, так и формы его существования: в XIX в. финский становится национальным и государственным языком.

Официально статус государственного он получит лишь в 1863 г., когда император Александр II отменит обязательное преподавание русского языка в школах Финляндии, а финский язык уже стал языком делопроизводства. Это стало лишь формальным подтверждением возросшего статуса финского языка, усиление позиций которого происходило с начала века.

Повышение статуса финского языка было вызвано причинами социального, экономического и исторического характера.

Прежде всего – избавлением от шведского господства (1809 г.), а также развитием торговли и ростом национального самосознания. Этому способствовало создание литературных памятников: создается национальный эпос – «Калевала». Творчество поэта Й. Рунеберга, имевшее национальное, культурное и патриотическое значение, становится основой для укрепления литературной нормы финского языка.

Если старофинский период (XVII в.) связывают с творчеством М. Агриколы, который перевел Библию на финский язык, что, в свою очередь, способствовало закреплению письменной нормы, упорядочиванию орфографии языка Финляндии, ставшего основным, то появление новых памятников литературы в 20-е гг. XIX в. формирует новофинский период в становлении и развитии финского литературного языка.

В XIX в. сфера применения финского языка расширяется: он переходит также в статус языка торговли, государственного управления, научных институтов. Поэтому расширяется число заимствований из шведского и русского языков. В то же время, наряду с ассимиляцией заимствований, финский прибегал и к собственным ресурсам: к использованию словообразовательных моделей, свойственных агглютинативному строю своего языка.

Заимствования, появившиеся в финском языке в этот период, получают академическое переосмысление. А. Алквист, возглавивший в 1863 г. кафедру финского языка и литературы Императорского Александровского университета (г. Гельсингфорс / Хельсинки), посвятил несколько работ (основанных на эмпирическом материале) рассмотрению культурных слов в финском языке, разделяя их на исконно финские и на заимствованные, при этом отмечая, что при заимствовании слова заимствуется и понятие, что, в свою очередь, должно учитываться при анализе культуры и мышления [1. С. 73].

Становлению финского языка способствовали также причины культурно-идеологического характера, а именно: становление эпохи позитивизма, господствующей в сер. XIX в. и характеризовавшейся «полным отказом от прошлого, как в психологическом, так и в экономическом смыслах» [6. С. 58].

Укрепление позиций финского языка шло не только извне (под влиянием политических, исторических и идеологических факторов), но и внутри самого языка. Литературные памятники способствуют становлению литературной нормы, расширяется сфера применения финского языка, что в совокупности причин и следствий, внутренних и внешних, вызвало укрепление позиций финского языка на территории Финляндии. В этот период начинает формироваться ЯС, близкая к ее современному состоянию.

Вместе с тем вплоть до сер. XIX в. шведский язык на территории Финляндии еще сохранял лидирующие позиции. В нач. XIX в. финский не мог стать основным языком в силу ряда причин.

Во-первых, появились новые формы употребления языка (торговля, муниципальное управление), для обеспечения которых финскому языку было необходимо «изыскать ресурсы». Потребовалось время, чтобы в языке появились соответствующие лексемы – как путем заимствований (например, слово *lasti* – груз заимствовано из шведского *last*), так и путем словосложения, зачастую посредством калькирования (*vaihtokauppa* – досл. ‘менять’ и ‘товары’ – ‘товарообмен’).

Во-вторых, на данном этапе существовала большая диалектная вариативность финского языка, он не был однородным. На этом этапе развития ЯС в Финляндии диалекты представляли собой основную форму существования финского языка.

Есть данные [9], что статус государственного языка финский получил благодаря действиям шведоязычной интеллигенции, проживающей в то время в Финляндии, которая «проявила уважение» к местному населению.

Но эта гипотеза не представляется убедительной, поскольку, в силу своей малочисленности, интеллигенция на территории не только самой Швеции, но и Финляндии не обладала достаточной «классовой» силой, чтобы повлиять на распространение финского языка.

По всей вероятности, становлению финского языка в качестве основного и государственного способствовало именно противоборство финского и шведского языков.

После войны с Россией Швеция стремится укрепить свои позиции на территории Финляндии, и многие историки говорят о всплеске империализма, «шведского великодержавного шовинизма» [7], что проявлялось, в том числе, в навязывании и форсированном распространении шведского языка на территории Финляндии. Как победившая сторона Швеция усиленно укрепляла позиции своего языка, отводя финскому роль территориального диалекта. В тот период финский язык был преимущественно языком сельского населения, тогда как шведский язык преобладал в городах, что исторически объяснимо: большинство городов строились шведами.

Но, имея уже сформировавшуюся письменность и стремясь сохранить свой язык, финноязычное население предпринимает ряд действий для сохранения

родного языка хотя бы на определенных территориях. Именно форсированное давление, навязывание шведского языка дало дополнительный импульс для сохранения и затем развития финского языка, когда произойдут известные исторические изменения в Финляндии.

В 1850-х гг. финны объединились, чтобы их язык не был «вытеснен на обочину» шведским, так как отстаивание статуса родного языка стало вопросом «национальной чести». Язык рассматривался как символ единства и национальной идентичности, оружие в борьбе за независимость [22. С. 102]. Агрессивная же языковая политика со стороны шведов способствовала не только сохранению финского языка, но и территориальному разделению шведского и финского языков в Финляндии. Уже на этом, самом первом, этапе становления ЯС, близкой к современной Финляндии, формируются территории, на которых преобладает либо финский, либо шведский языки – что и продолжается по сей день.

Кроме того, территориальная сепарация финского и шведского языков способствовала большому диалектному варьированию финского языка. При этом наличие диалектных различий в шведском языке весьма и весьма незначительно. Шведский язык, несмотря на то что он был языком победителей, все же оставался языком некоренного населения и стремился к единообразию и чистоте (как и многие другие языки, существующие за пределами территории, где язык не является национальным).

Позднее, в связи с переносом столицы из Турку в Гельсингфорс, введением обязательного школьного образования, изучением финского языка в школах, его институализацией, распространением письменности – диалектные различия постепенно стираются.

Таким образом, можно говорить о некоторой объединяющей тенденции в финском языке (то есть появлении койне, стирании диалектных различий) и территориальной концентрированности шведского языка.

В исследовании, посвященном этому периоду [23. С. 65], в частности отмечается, что «несмотря на известное территориальное взаимопроникновение равноязычного населения в соседствующих шведских и финских районах, языковая граница между двумя разносистемными языками – шведским и финским – выражена несравненно более четко, нежели границы между различными диалектами финского языка».

В последней четверти XIX в. противостояние финского и шведского языков становится менее острым. Являясь первым государственным языком, хотя и (начиная с 1809 г.) все более формально, официально шведский становится вторым только в 1863 г.

Таким образом, можно утверждать, что укрепление ведущих позиций финского языка на территории Финляндии в XIX в. само по себе стало причиной зарождения некоторого противоборства финского и шведского языков.

Другой идиом, присутствовавший в ЯС Финляндии этого периода, – русский язык, который мог бы сыграть не последнюю роль в ее разворачивании. Будучи великим княжеством Финляндским и имея тесные экономические, политические и культурные связи с Россией, Финляндия, особенно в этот период, была зависима

от России, так что высока была вероятность проникновения, распространения и, возможно, даже доминирования русского языка на территории Финляндии.

Сложно сказать, почему этого не произошло. Скорее всего, этому способствовали, в том числе, все еще сильное влияние шведского языка, а также рост статуса финского языка, формирование его литературной нормы и стремление к меньшему диалектному варьированию. Более того, именно господство шведского языка в нач. XIX в. на территории Финляндии послужило основой для меньшего противопоставления финского языка русскому. Финский язык еще не рассматривался как основной идиом, поскольку не был «сильным игроком» в становлении языковой ситуации; он лишь набирал свои позиции, хотя и довольно стремительно.

Возможно, росту степени языковой лояльности к родному языку среди коренного населения Финляндии способствовала и психолингвистическая закономерность: как правило, более сложный по морфологическому строю язык вытесняет более простой [1].

Более того – наверно, именно в тот период формируется отношение финноязычного населения к шведскому языку. Оно действительно парадоксально: с одной стороны, финны признательны шведам за ту роль, которую те сыграли в истории Финляндии, в становлении культуры и языка; но, с другой стороны, их нежелание говорить на втором государственном языке показывает большую степень лояльности к своему языку. Вот почему «финны скорее выберут шведский, который они отрицают, чем какой-либо другой иностранный язык».

Еще одна отличительная черта данного временного отрезка в ЯС – это незначительная роль в Финляндии других иностранных языков, чье присутствие и влияние, за исключением уже упомянутых шведского и русского, было незначительным. Хотя перепись населения не велась, и национальный состав населения определить было сложно, но можно утверждать, что диалекты финского языка и языки саамской подгруппы являлись основными национальными идиомами.

Таким образом, языковая ситуация в этот период характеризуется малокомпонентностью, формированием диглоссии, стиранием диалектных различий в основном идиоме. Эти признаки ЯС Финляндии оставались основными в ее описании почти столетие – вплоть до сер. XX в., как самом длительном периоде в ЯС Финляндии, заложившем основу ее современного состояния и закрепившем позиции финского языка.

Развитие языковой ситуации в Финляндии: XX век

В нач. XX в. ЯС в Финляндии стабилизируется и остается таковой на протяжении всего столетия. Насколько изменчивой она была в XIX в., настолько стабильной стала в XX в. Наиболее стабильна ЯС в 1930–1940-е гг. Ее предсказуемость объяснима прежде всего двуязычием, усиленно поддерживаемым мерами языкового планирования.

Нельзя умалять значимость и других факторов, а именно: большой степени однородности основного идиома (уменьшения степени диалектной вариативности финского языка); к тому же на этот период приходится завершение его языковой нормы.

Тем не менее отметим и ряд перемен в ЯС этого периода, которые, впрочем, не сказались на изменении общих характеристик ЯС Финляндии.

Изменения касались по большей части присутствия количества языков на территории Финляндии, а также изменения диалектного варьирования финского языка, но решающей роли они не играли и потому не могли вызвать коренного перелома в ЯС Финляндии.

На нач. XX в. приходится высокая степень миграции населения в Финляндии: как внутри страны, так и за ее пределами. Из Финляндии население эмигрировало преимущественно в США, Канаду и в соседствующую Швецию. Основные причины для этого были и экономические (спад в экономике), и политические (боязнь советского влияния) [7. С. 123–125].

Возможно, миграция населения, продолжавшиеся вплоть до 1950-х гг., способствовала стиранию диалектных различий и формированию большей однородности финского языка.

По данным [23], на нач. XX в. в финском языке выделяют 7 диалектов, определяемых по территориальному признаку.

Таким образом, диалектная вариативность основного идиома Финляндии не является основным признаком ЯС на данном этапе. Именно этот фактор также способствовал распространению финского языка за пределами финской территории.

Основной же характеристикой ЯС в Финляндии на этот период является стабильное двуязычие. Статус финского и шведского языков закреплен Конституцией Финляндской Республики.

Двуязычие в Финляндии носит не только политический характер. Учитывая расовый состав населения – беломоробалтийский (финны и емь) и атланти-балтийский (шведы) типы, язык является важным критерием определения национальной принадлежности. Как шведо-говорящее, так и финно-говорящее население характеризуется высокой степенью языковой лояльности к родному языку. Двуязычие в Финляндии, таким образом, приобретает не только политический, но и национальный характер, что способствует стабильности ЯС в Финляндии на тот момент.

Ряд исследователей [21; 16] применительно к описанию ЯС, сложившейся в XX в., склонны применять термин диглоссии (в его понимании Ч. Фергюсоном), согласно которому диглоссия – та ситуация двуязычия, когда один язык (официальный, государственный) в большей степени применяется в высокой сфере – государственного управления, делопроизводства, а другому языку отводится роль применения в семейной сфере, повседневного общения [17].

В нач. и сер. XIX в. в Финляндии, действительно была ситуация диглоссии: шведский язык использовался в сфере управления и в официальных документах (высокая сфера применения языка), а финский – в этих сферах только начинал использоваться и был языком коренного населения (низкая сфера применения языка, по Ч. Фергюсону). Впоследствии финский стал использоваться наряду со шведским и в этих «высоких» сферах. В кон. XIX–XX в. ситуация диглоссии переходит в ситуацию двуязычия, когда статус и сферы применения финского и шведского языков одинаковы.

В этот же период закрепляется территориальное разделение на финноязычные и шведоязычные районы. Некоторые из них становятся традиционными шведоязычными. В то же время появляются новые районы – с преобладанием финского или шведского.

К кон. XX в. противоборство финского и шведского языков было нейтральным. Также появляются меры современного языкового планирования, адекватного для сохранения и поддержания двуязычия: конституциональное закрепление статуса каждого языка; внедрение шведского языка в систему школьного образования; территориальное закрепление на финноязычные и шведоязычные районы.

Для более точного описания ЯС, сложившейся в XX в. в Финляндии, рассмотрим понятия государственного, официального и национального языков.

Согласно определениям национального языка, данного в ЛЭС*, можно утверждать, что в XX в. финский становится полноценным национальным языком на территории Финляндии. Кроме того, финский и шведский языки являются государственными языками.

Другой фактор, характеризующий ЯС на тот момент, – это появление малочисленных, разбросанных по всей территории страны малых национальных групп как результат миграции населения. Тем не менее их появление еще не говорит о влиянии на изменение языковой ситуации в целом.

В этот период усиливается также роль других языков: и эмигрантов, и коренного населения. Среди иностранных – усиливается роль русского языка, а что касается коренного населения, то возрастает внимание к языкам саамской группы, вызванное оживлением интереса к национальной культуре. При этом языки саамской группы, ввиду рассредоточенности и малой плотности населения, в этой части территории Финляндии отличаются большой диалектной вариативностью. При этом разница между языковыми вариантами настолько велика, что каждый из вариантов называется языком, а не диалектом. Ввиду сложности соотношения языка и диалекта (как одной из проблемных областей лингвистики), исследователи не выдвигают четких аргументов за или против того, считать ли эти языковые варианты диалектами или языками. Поэтому они называются языками по умолчанию, хотя, по данным некоторых исследователей [14; 15; 19], языки саамской группы представляют собой диалектное варьирование одного языка.

На рост значимости языков данной группы указывают статистические данные переписи 1970 г. (табл. 1).

Как видим, финский язык становится основным идиомом на территории Финляндии. Начинает учитываться роль других компонентов в ЯС. Английский язык, хотя и изучается в школах, но на тот момент еще не имеет достаточной демографической мощи и используется в рамках институциональной коммуникации, а иногда – в ситуациях повседневного общения.

* Национальный язык – социально-историческая категория, которая обозначает язык, являющийся средством общения нации и выступающий в двух формах: устной и письменной... Состояние языка, обозначаемое понятием «Н.я», определяется конкретным составом компонентов: единая форма литературного языка, наличие того или иного количества диалектов, наречий или говоров, наличие переходных форм речи (полудиалекты, койне...).

Таблица 1

Данные демографической мощности идиомов (согласно переписи 1970 г.)

Родной язык	Численность населения	% от общей численности населения
Финский	4286895	92,4
Шведский	303406	6,6
Саамский	2240	0,05
Русский	1680	0,04
Прочие языки	4115	0,09

Уже к нач. XX в. более оформленной становится и диалектная карта Финляндии. Борьба диалектов, продолжавшаяся вплоть до кон. XIX в., привела к образованию литературной нормы на основе западных диалектов. Но и восточные диалекты внесли свой вклад в формирование и обогащение литературного языка. В частности, в финской падежной системе два падежа встречаются только в литературе и берут свое начало в диалектах восточной группы. Это соответствует общим законам формирования литературной нормы: с одной стороны, за ее основу берется столичный диалект (койне, который также носит над-диалектную форму), но и другие диалекты (находящиеся на периферии), которые служат источником пополнения словарного состава и расширения социальной вариативности языка.

По данным [5], к нач. XX в. на территории Финляндии выделяются 7 диалектов финского языка, образующих два крупных наречия: западное и восточное. Эти диалекты следующие: 1) юго-западный (собственно финский), 2) хяме (емский), 3) южноботнический, 4) средне- и северовотнический, 5) северный, 6) савоский и 7) юго-восточный. Граница между ними не всегда четкая, и в ряде случаев (как, например, на полосе с юго-востока на северо-запад можно выделить около 5 говоров собственно финского диалекта, которые, не представляя достаточного единства, отдельных диалектов не формируют).

Помимо становления диалектной карты Финляндии, к кон. XX в. понемногу возрастает роль иностранных языков, однако весьма сдержанно. К тому же языковая политика двуязычия, проводимая в тот период, способствовала поддержанию политического и национального равенства двух языков и в некоторой степени препятствовала усилению роли иных языков.

Изменения языковой ситуации в Финляндии с 2000 гг. по настоящее время

Третий период в динамике ЯС в Финляндии характеризуется наибольшей степенью изменчивости и вариативности: стабильность, длящаяся больше половины столетия, сменяется периодом быстротечных перемен. Изменению подвергается даже самое стабильное – исторически, политически и национально сформированное двуязычие.

В последнее десятилетие XX в. биполусная ЯС в Финляндии начинает меняться на многополусную. Если до кон. XX в. можно было говорить о стабильной, классической ситуации двуязычия, то с нач. XXI в. на территории Финляндии

присутствие других языков радикально меняет ЯС на многокомпонентную. Если в XX в. при выделении основных компонентов упоминались преимущественно финский и шведский языки (основные идиомы), то с нач. XXI в. в исследованиях, посвященных анализу ЯС на территории Финляндии [11; 9], говорится о трех значительных идиомах: 1) финский как официальный и государственный язык; 2) шведский как второй государственный язык и 3) языки малочисленных народов – языки саами.

Так, наряду с тремя основными компонентами, увеличивается роль иностранных языков (фрагментарных компонентов ЯС).

И, как это характерно для многополюсной ЯС на территории небольших государств, роль каждого отдельно взятого idioma (преимущественно иностранного) попеременно возрастает.

Еще одно изменение ЯС, начавшееся в кон. XX в. и продолжающееся по сей день, – это увеличение степени диалектного варьирования финского языка. Рассмотрим каждое из этих изменений ЯС более подробно.

1. Изменения в ситуации двуязычия в Финляндии

Говоря об изменениях в ситуации двуязычия, можно утверждать, что роль второго государственного языка – шведского – становится менее значимой, что проявляется, в том числе, в снижении (правда, незначительном) демографической мощи шведского языка. При этом тенденция к снижению, хоть она и стабильна, и проявляется год от года, но именно незначительна. По нашему мнению, это вызвано слишком большой разницей в процентах населения, говорящих на финском и шведском (92 и 6 – соответственно). Исторические основания для политики двуязычия в Финляндии в эпоху глобализации, характеризующейся гипердинамикой общественных изменений, перестают быть настолько крепким, насколько они были, что и вызывает противоречия.

Попытаемся рассмотреть, каким образом расшатывалась стабильность двуязычия в Финляндии с кон. XX в. и в первом десятилетии XXI в.

Можно говорить о том, что примерно с сер. 90-х гг. интерес к изучению шведского языка падает. В 2001 г. премьер-министр Финляндии М. Ванхонен отменил школьный государственный экзамен по шведскому языку (обязательным для изучения в школе он был с 1968 г., когда изучался как второй иностранный язык – после английского).

По некоторым наблюдениям, коренные финны неохотно разговаривают на шведском языке, хотя исторически в Финляндии воспитывалось уважение к нему. Однако когда речь идет о шведском языке как иностранном для общения с не-шведами, то можно заметить большую охоту говорить на нем.

Интересны также данные сайта kielipolitikka.fi (посвященного языковой политике Финляндии). В 2010 г. на этом сайте проводился опрос: как вы видите будущее шведского языка в Финляндии? Результаты опроса не удивили: большинство опрошенных (67 %) высказывались за отмену шведского как второго государственного языка.

Тем не менее пока можно лишь утверждать, что сокращается обучение шведскому языку и, как следствие, – редукция двуязычия.

Для поддержания ситуации двуязычия был введен ряд мер языкового планирования (не перспективных), но характеризующих языковую политику Финляндии как умеренно радикальную: не агрессивную, но учитывающую национальные интересы.

К таким мерам, в частности, относится предоставление решений о введении изучения шведского – муниципалитетам (органам местного самоуправления). Если количество людей, говорящих на втором языке (шведском или финском) составляет 8 % от общего числа проживающих в данном округе, или превышает 3000, то муниципальный округ становится двуязычным. Из общего количества муниципальных округов (450) 19 являются одноязычными шведскими, 44 – двуязычными, остальные – одноязычными финскими.

Несмотря на распространенность противостояния финского и шведского языков, в нем можно отметить некоторую долю пафоса и популяризации. Финский и шведский языки, хотя и разные по морфологическому строю и относящиеся к разным языковым группам, на территории Финляндии имеют долгую историю сосуществования.

Как отмечают исследователи, противостояние финского и шведского языков связано преимущественно с отстаиванием национальных интересов и никогда не выльется в нечто большее [11]. Такое противостояние можно сравнить с перетягиванием каната, смысл состязания которого – не перетянуть одну из сторон на себя, а напротив, удержать состояние натянутости.

Однако некоторое ужесточение риторики противостояния финского и шведского все же можно иногда наблюдать, как можно в ряде случаев говорить и о несколько агрессивном отстаивании национальных интересов при распространении двуязычия.

В частности, в соответствии с распоряжениями правительства и общеобразовательным проектом, совместно с университетом г. Ювяскюля, на сайте kielipolitikka.fi пропагандируется право свободы выбора второго иностранного языка, а идея об обязательном шведском для коренных финнов (*paikkojuotsi*) позиционируется именно как одна из альтернатив свободе выбора в изучении иностранного языка, и образовательные учреждения должны предоставлять такую возможность.

В этом есть некое противоречие, поскольку в большинстве случаев изучение шведского рассматривается именно как навязывание его как обязательного. Парадоксальность двух направлений языковой политики вызвала неоднозначную реакцию в прессе. Например, в комментариях к статье «Обязательный шведский или свободный выбор?» в столичной газете *City* (<http://www.city.fi/yhteisot/blogit/sampoterho/108799/>) жители Финляндии высказывают разные доводы.

Один из самых смелых доводов – тот, что через обязательное изучение финского языка происходит навязывание его другой национальной идентичности и создается миф о стабильности политики двуязычия, хотя мнение большинства населения при этом не учитывается. Высказывается также мнение, что языком общения финнов и шведов должен быть английский, и он же язык должен стать языком Финляндии в Европарламенте (в настоящее время в Европарламенте Финляндия «говорит» по-шведски).

Аргументы «за» тоже высказываются, но относятся, в основном, к истории, традиции, долгому сосуществованию финского и шведского языков на территории Финляндии.

Однако неприятие шведского языка также имеет свои исторические прецеденты (вспомним усиленное навязывание шведского в нач. XIX в., о чем говорилось выше). Кроме того, некоторое неприятие шведского языка в Финляндии шло постепенно, поскольку признание шведского в качестве государственного было, во-первых, «вежливым реверансом» в сторону соседей, а во-вторых, тоже явилось результатом отстаивания национальных интересов шведов.

Между тем, если взять за основу рекомендацию разграничить понятия официального и государственного языков, установленную ЮНЕСКО и базирующуюся на том, что «государственный язык — язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства» [4], то можно отметить, что шведский в Финляндии уже теряет статус государственного, поскольку неприятие его коренным населением Финляндии, снижение интереса к его изучению и отстаивание статуса шведского в Финляндии выполняют скорее дезинтегрирующую роль.

Но при этом шведский язык в Финляндии вполне соответствует определению официального языка, то есть языка государственного управления, законодательства, судопроизводства, поскольку все законопроекты, судебные решения и предписания, уставные документы компаний обязательно переводятся на шведский язык, хотя иногда эта просто формальность, не всегда воспринимаемая положительно.

С другой стороны, разграничение официального и государственного языков принимается не всеми исследователями. Об этом подробнее написано в монографии М. В. Дьячкова, отмечающего, в частности, что ввиду расплывчатости, неконкретности и взаимопересекаемости этих определений, «они так и остались рекомендательными, разъяснительными и носящими необязательный характер» [4. С. 35].

Отметим также, что официальный язык в большинстве случаев может выполнять свои функции, только являясь государственным. Например, если бы шведский язык лишился статуса государственного языка в Финляндии, то вряд ли бы он остался официальным.

2. Языки саами на территории Финляндии

Теперь обратимся к еще одной мере языкового планирования, связанной с отстаиванием национальных интересов, а именно – со стремлением сохранить языковые варианты языков саами.

Именно указанное отстаивание национальных интересов в рамках языковой политики, стремление сохранить языки саами в качестве основных хотя бы на определенной территории и привело к становлению языков саами в качестве еще одного основного идиома в Финляндии. Так же, как в нач. XIX в. стремление сохранить финский способствовало укреплению его позиций, так и в нач. XXI в. стремление сохранить языки саамской группы во всем их разнообразии повлекло за собой и повышение значимости статуса саамских языков. Привлечение

внимания к этим языкам показывает новые меры языкового планирования – поименную запись и распространение через Википедию и другие ресурсы Интернет носителей определенного саамского языка.

Говоря о языках саами, отметим и еще одно проявление эффекта национальной языковой политики в сохранении коренных языков: в Лапландии есть области, где число носителей определенного варианта языка саами составляет менее 6 (так, например, вариант *turjanssáme*). Существуют также идиомы (*uumajanssáme* и *riiitinsaaime*), количество говорящих на которых составляет не более 20.

Функция языков саами, которую они играют ЯС в Финляндии, неоднозначна. Языки саами интересны прежде всего наличием на небольшой территории (Лапландии) множества идиомов. При этом выделение одного конкретного металекта весьма затруднительно. Так, в лапландском муниципалитете Инари существует единственный в Европе парламент, где присутствуют четыре официальных языка: три варианта языка саами и финский [12].

Меры языкового планирования в отношении языков саами предполагают участие научных институтов. Так, в университете Хельсинки запущен «проект по спасению» языков саами, присутствующих на территории Финляндии. Минимальная цель, которую исследователи ставят, – сохранение варианта языка в письменном виде, «на бумаге».

На основе приведенных фактов можно высказать предположение, что борьба за вариативность определенного языка саами препятствует выделению и последующему становлению определенного металекта на этой территории, не говоря уже о формировании языковой нормы.

Можно наметить и другую тенденцию – увеличение именно диалектной вариативности языков саами, а не отдельных его вариантов. Хотя меры языкового планирования, такие как письменная фиксация вымирающих саамских языков, повышение статуса основного варианта языка саами до статуса языка парламента (вариант северного саами [*rohjoissaame*] является официальным во многих муниципалитетах) направлены на обратное: на становление литературной нормы и выделение стандартного языка саами в Лапландии. Возможно, это вновь характеризует языковую политику как реакционную, увязываемую с развитием национальных интересов.

3. Финский как основной компонент ЯС Финляндии: диалектное варьирование, меры языкового планирования в отношении государственного языка

Примечательно (и здесь мы переходим к другому изменению в рассматриваемом периоде), что наблюдается большая, по сравнению с предыдущим периодом, диалектная вариативность также и финского языка. По всей вероятности – тоже как результат реализации реакционной национально-языковой политики.

В частности, если в XX в. говорилось о семи диалектах финского языка, то на текущий момент, по данным Центра изучения национального языка (представлены на сайте kotus.fi), на карте диалектов финского языка (утвержд. в апреле 2013 г.) выделяются восемь групп диалектов финского языка, каждая из которых включает в себя несколько поддиалектов.

По сравнению с предыдущим периодом мы видим большую вариативность диалектов. В семи группах территориальных диалектов, сформированных несколько десятилетий назад, теперь наблюдается более дробное их деление. Те говоры в юго-западной части Финляндии, которые в XX в. еще не могли сформировать диалекты, теперь считаются таковыми.

Скорее всего, мы имеем дело с различными критериями выделения диалекта в западной и отечественной лингвистической традициях. В частности, если в российской лингвистике диалект подразумевает некоторое «исторически сложившееся средство общения» [8. С. 213], то в западной традиции он рассматривается как любая территориальная разновидность языка, противопоставляемая стандартному литературному.

Кроме того, в зарубежной лингвистике считается, что диалект существует только в устной форме [18], в то время как в отечественной лингвистике не исключается наличие письменной его фиксации (национальный фольклор, литература национальных республик на территории России) [8. С. 213].

Тем не менее на территории Финляндии теперь говорится о большем количестве диалектов в сравнении с предыдущим периодом ЯС. Наибольшее количество диалектов входит в группу диалектов области Саво – центральной части Финляндии, где их насчитывается 9. На втором месте – группа диалектов области Хамала, куда входит и столичный округ, – в этой группе их 7. Традиционно эти районы Финляндии населялись коренными финнами. Кроме того, внутренние миграции в Финляндии в основном приходятся на эти районы, чем и объясняется большая диалектная вариативность национального языка.

Наименьшую по диалектному варьированию группу представляют собой диалекты северо-западной и западной частей Финляндии. Скорее всего, это объясняется близостью Швеции, и традиционно в этой части Финляндии выделялось большое количество шведоязычных районов.

Карты диалектов финского языка постоянно обновляются, чем объяснимо несоответствие карт, расположенных на популярных сайтах (Wikipedia и другие), реальному положению дел. Это лишний раз доказывает быстроту изменений ЯС в современный период, усиление роли национальной самобытности, придание ей важной роли в национальном языковом планировании.

Очевидно, что диалекты выделяются преимущественно по территориальному признаку, но не стоит сбрасывать со счетов социальную вариативность стандартного финского языка. В частности, существует большая разница между разговорным вариантом финского языка (*puhekieli*) и нормативным, литературным. Кроме того, на современном этапе возрастает роль других социальных диалектов и городских сленгов. Например, койне в столичном регионе (*Uusimaa*) называется *stadislangi* или *stadikieli* – по названию на городском сленге жителей Хельсинки – *stadilaiset*. Однако социальная вариативность финского языка на сегодняшний день не столь велика, как его диалектная вариативность.

Отстаивание национальных интересов в эпоху глобализации соотносится с закономерностями, устанавливаемыми бинарной оппозицией: национальные интересы противостоят влиянию глобализации и продвижению усредненных универсальных стандартов.

Еще одной мерой языкового планирования, носящей скорее реакционный характер, можно назвать укрепление финского языка в рамках программы социального интегрирования эмигрантов.

В процессе интеграции эмигрантов в финское общество обучение финскому как иностранному хорошо организовано: оно бесплатное (через центры занятости и другие социальные структуры). Предусмотрена сдача экзамена «на гражданство» с четким уровнем владения языком (kielitaso) для каждой специальности. Например, для обучения в университете достаточно уровня В1 по общепринятой европейской шкале языковой компетенции, для медсестры – С1, для врача – В2 и др. При этом экзаменаторы весьма лояльны, и большинство сдающих довольно легко получают сертификат на уровень В1 (в отличие, например, от соседней Эстонии, где усложнение заданий на экзамене «на гражданство» рассматривается русским населением как «препятствие», «отторжение» русскоязычного населения со стороны эстонцев; – по данным форума российских эмигрантов, проживающих в Эстонии).

Из собственного наблюдения за соотечественниками, сдающими этот экзамен, можем сказать, что зачастую многими российскими эмигрантами этот экзамен рассматривается как некая ступень к ассимиляции в финское общество. Этим можно объяснить нежелание многих эмигрантов сдавать экзамен, поскольку, с их точки зрения, после него они не смогут противопоставлять себя как «чужих» финскому обществу.

Отметим также, что, несмотря на указанные меры языкового планирования, есть некоторые косвенные факторы, затрудняющие распространение финского языка. К ним можно отнести сравнительно небольшую численность населения, стереотипную замкнутость финнов, хрестоматийную сложность их языка.

Иногда в Финляндии можно столкнуться с проявлениями языковой нетерпимости в отношении незнания финского, с критическими замечаниями в адрес иностранцев по этому поводу или натолкнуться на отказ говорить на английском языке.

С другой стороны, знание иностранного языка всегда рассматривалось финнами как престижное; считается престижным отдавать ребенка в «иностранную» школу – английскую, русскую, французскую.

4. Другие компоненты в ЯС Финляндии: усиление роли иностранных языков, представленных на территории Финляндии

Немаловажную роль в развитии ЯС в Финляндии играют другие языки. Значимость других языков (идиомов), составляющих ЯС в Финляндии, неуклонно росла с кон. 1990-х гг. до сегодняшнего времени. Данные представлены в таблице 2.

В таблице обращает на себя внимание значительное увеличение доли прочих языков. Среди них основное место принадлежит сомалийскому языку (около 70 000). Демографическая мощность данного идиома объясняется большим количеством эмигрантов из Сомали не только в Финляндию, но и в другие европейские страны, а также большая по сравнению с другими сплоченность сомалийской диаспоры, проживающей на территории Финляндии, о чем свидетельствует, в частности, создание собственных культурных центров, право изучать язык в школах и др.

Демографическая мощьность идиомов – компонентов измерения языковой ситуации на в Финляндии (в сравнении с данными переписей 1970 и 2012 гг.)

Родной язык	Численность населения		% от общей численности населения	
	1970	2012	1970	2012
Финский	4286895	48668488	92,4	90,2
Шведский	303406	290977	6,6	5,4
Саамский	2240	1900	0,05	0,03
Русский	1680	62554	0,04	1,2
Прочие языки	4115	161207	0,09	2,9

Примечательно также, что язык глухих стал занимать отдельное место в общем списке идиомов. На него приходится до 9 000 пользователей.

Многочисленность компонентов ЯС, сформировавшаяся в этот период, усилила важность прагматических аспектов языка, а именно: языковой толерантности и языковой лояльности.

Скорее всего значимость этих аспектов (прежде всего, языковой лояльности) и повлекла за собой меры языкового планирования. При этом указанные меры носят преимущественно реакционный (не перспективный) характер. На наш взгляд, меры по сокращению двуязычия тоже скорее реакционные, чем перспективные – они ориентированы более на укрепление позиций финского языка, нежели на вытеснение шведского, и позволяют говорить скорее о национальной языковой политике, но не агрессивной.

Среди иностранных языков, играющих наиболее значимую роль, английский, завоевавший такую позицию и положение в Финляндии за последние сорок лет [20. С. 334]. Популярность английского в Финляндии растет в рамках глобального его использования в роли первого, второго и иностранного языка [20. С. 332].

По числу носителей (около 35 000 человек из примерно 5 000 000 жителей Финляндии) русский язык стоит на третьем месте в списке языков некоренных народов Финляндии (после румынского и арабского). При этом арабский язык вытеснил русский всего лишь пять лет назад, вследствие из-за увеличения квот для трудовых мигрантов в Финляндии как члене ЕС.

Кроме того, географическое положение Финляндии и России сказались на историческом взаимодействии стран (история отношений Финляндии и России знала не только мирное сосуществование), что не могло не сказаться на взаимовлиянии финского и русского языков. Так, в финском языке есть большой пласт лексики, составляющей заимствования из русского (*kanava, lusikka, ikkuna* и сленговые – *mesto, lafka, shafka*).

Замечена также растущая популярность русского языка как иностранного: в 2008 г. в муниципалитете Тухмаярви поднимался вопрос о том, чтобы вместо второго иностранного языка (шведского) изучался русский, что обусловлено территориальной близостью данной части территории к России.

Относительно языковой толерантности носителей русского языка в Финляндии нельзя не заметить такую черту русских, как привязанность к языковой

норме, что отмечается, в частности, в работе [9]. При этом, указанное «чувство нормы», приверженность литературному языку применима не только в отношении русского языка, но и финского как иностранного (для русских). Нередки случаи, когда русские поправляют финнов, потому что последние «говорят неправильно, не литературно».

Среди вероятных причин этого можно выделить следующие:

1. Стремление «адаптироваться» к национальной жизни, показать «я свой» через «превосходное» знание финского языка;
2. Привязанность к норме родного языка способствует «распознаванию» в рамках дихотомии «свой» – «чужой». Поскольку в Финляндии много эмигрантов из других национальных республик бывшего СССР (Украины, Эстонии), то приверженность норме, литературному русскому способствует распознаванию «своих» и «чужих».

Подводя итоги характеристики текущего периода ЯС Финляндии, выделим следующее: 1) усиление противостояний между финским и шведским языками, редукция двуязычия; 2) постоянное изменение языковой ситуации, проявляющееся, в частности, в попеременном усилении роли какого-либо из компонентов языковой ситуации, а также в появлении новых идиомов.

Таким образом, языковая ситуация в Финляндии

- 1) многополюсная, характеризуется наличием нескольких языков;
- 2) в определенной степени она связана с отстаиванием национальных интересов, но при этом, если учесть, что меры языкового планирования (право на изучение родного языка эмигрантов в школах, ряд действий, направленных на редукцию двуязычия и некоторые другие) носят в основном реакционный характер, то на данном этапе языковая политика не характеризуется как агрессивная;
- 3) отличается динамичностью и вариативностью. Наличие большого числа идиомов, отстаивание национальных интересов, политика интеграции – все это с течением времени способствует изменчивости языковой.

Сопоставление сравнительно небольших промежутков времени показывает, что такие особенности функционирования языков в эпоху глобализации, как распространение английского языка (и связанная с этим активизация национального), интенсификация языковых контактов, а также виртуализация коммуникации [3], характерны и для языковой ситуации Финляндии, установившейся на нач. XXI в.

Тем не менее выделение этих особенностей не делает ЯС в Финляндии на данном этапе более предсказуемой. Напротив, в этот период она является более изменчивой, чем когда-либо.

Среди методологических обоснований этого можно выделить парадокс глобализации Э. Гидденса о непредсказуемости мира в эпоху глобализации [2]. Казалось бы, мир должен быть предсказуемым, поскольку глобализация подразумевает некоторое усреднение, однако он не становится предсказуемым, а ускользает. Однако сам факт выявления противоречивых моментов среди обстоятельств функционирования языка и коммуникации на определенной территории позволяет более объективно объяснить и оценить языковую ситуацию, сложившуюся на данный момент.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 с.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь М.: Изд. «Весь Мир», 2004. 120 с.
3. Гриценко Е. С., Кирилина А. В. Язык и глобализация: задачи и направления социоллингвистического анализа // Вестник Минского госуд. лингвистич. ун-та. Сер. Филология, 2010. № 6. С. 14–21.
4. Дьячков М. В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах: монография. М.: ИНПО, 1996. 115 с.
5. Елисеев Ю. С. Основные типы синтаксических словосочетаний в финском языке. М.: Изд. АН СССР, 1959. 123 с.
6. Загребин А. Е. Финно-угорские народы в России в историографии XVII – первой половины XIX века // Российская история. 2007. № 5. С. 169–175.
7. Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редюи К. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. 484 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – Большая Российская Энциклопедия. М., 2002. 709 с.
9. Мустайоки А. Толерантность в государственной языковой политике и коммуникации (Tolerance in state language policy and communication) // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / Отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2004. С. 87–99.
10. Окер-Блум Я. Язык до Хельсинки доведет... шведский язык // <http://norse.ru/pub/29.html>
11. Песонен П., Риухинен О. Динамичная Финляндия. СПб.: Европейский дом, 2007. 386 с.
12. Хербертс К. Крымский политический диалог и языковая политика в Финляндии // Материалы Круглого стола «Диалоги о языковой политике» 10–15 июля 2010. Ялта, 2010. С. 75–81.
13. Ahlqvist A. Suomen kielen rakenne. Helsingfors, 1877. 184 s.
14. Aikio M. Saamelaiset kielenvaihdon kierteessä: Kielisosiologinen tutkimus viiden saamelaiskylän kielenvaihdosta 1910–1980. Väitöskirja, Oulun yliopisto. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1988. 191 s.
15. Aikio-Puoskari U. Saamen kielen ja saamen kielen opetus Pohjoismaissa: Tutkimus saamelaisten kielellisistä ihmisoikeuksista Pohjoismaiden kouluissa. Rovaniemi: Lapin yliopisto, 2001. 137 s.
16. Antola S. Finnish in Finland. Helsingin opisto. Helsinki, Suomi. 2007. 112 p.
17. Ferguson C. Diglossia // Word. Vol. 15. 1959. P. 325–350.
18. Gode A. Discussion de Interlingua. Beekbergen: U.M.I., 1992. 518 p.
19. Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1981. 81 s.
20. Leppänen S., Pitkänen-Huhta A., Piirainen-Marsh A., Nikula T., Peuronen S. Young people's translocal new media uses: a multiperspective analysis of language choice and heteroglossia // Journal of Computer-Mediated Communication. 14(4). 2009. Pp. 1080–1107.
21. McRae Kenneth D., Helander M., Luoma S. Conflicts and Compromise in Multilingual Societies. Helsinki, 1999. 145 p.
22. Poloposki D. Suomi Suomessa. Espoo, 1997. 102 s.
23. Rapola M. Johdatus Suomen murteisiin. Helsinki, 1947. 87 s.

Е. А. Kartushina

Three Periods of Language Situation Development in Finland

The article looks back on the history and roots of the current language situation in Finland. It describes the changes and challenges in the progress of the Finnish language becoming the national and official language. It also touches upon the significance and importance of other languages on the territory of the Finnish state.

Keywords: language situation, Finnish language, language policy, language and globalization.

Картушина Елена Александровна,

кандидат филологических наук, доцент,

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6

E-mail: eakartushina@mail.ru

Kartushina Elena Alexandrovna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

The Pushkin State Russian Language Institute

117485, Russia, Moscow, Akademika Volgina St., 6

E-mail: eakartushina@mail.ru